

Михаил Александрович Энгельгардт

**Николай Пржевальский. Его
жизнь и путешествия**

**Михаил Александрович Энгельгардт
Николай Пржевальский.
Его жизнь и путешествия
Серия «Жизнь замечательных людей»**

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175395*

Аннотация

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

ГЛАВА I. ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

**Михаил Александрович
Энгельгардт
Николай Пржевальский.
Его жизнь и путешествия**

*Биографический очерк М. А. Энгельгардта
С портретом Пржевальского, гравированным в
Лейпциге Геданом, и с географической картой*

ГЛАВА I. ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Происхождение Пржевальского. – Его родители. – Воспитание. – Окружающая среда. – Вгимназии. – Гимназические порядки. – Увлечение военной службой. – Служба в полку. – Армейская жизнь. – Переход в академию. – Служба в Польше. – Мечты о путешествии и переход в Варшаву

Во второй половине XVI столетия запорожец Корнило Паровальский поступил на службу к полякам, принял фамилию Пржевальский, и, отличившись во многих битвах, получил шляхетство, герб и имения. Потомки его перешли в католичество, но один из них, Казимир Пржевальский, бежал из иезуитской школы, в которой воспитывался, и вернулся к православию, приняв имя Кузьма.

Его сын, Михаил Кузьмич, отец знаменитого путешественника, служил в русской армии, усмирал польских мятежников в 1832 году, а четыре года спустя, вследствие расстроенного здоровья, вышел в отставку и поселился у отца, управлявшего имением в Ельнинском уезде Смоленской губернии. Тут познакомился он с соседями – богатой семьей неких господ Каретниковых, младшая дочь которых, Елена Алексеевна, девушка красивая, умная, энергичная и настойчивая, сильно ему полюбилась.

Отставной поручик, бедный, болезненный и некрасивый (он был высокого роста, худой, бледный, с мутными глазами и колтуном на голове) не мог назваться завидным женихом. Тем не менее, увлечение было взаимным, и родители Елены Алексеевны, возмущившиеся было притязаниями Пржевальского и отказавшие ему от дома, в конце концов уступили и согласились на брак, который и состоялся в 1838 году.

Сначала молодые жили в имении Каретниковых Кимбове, где у них родился – 31 мая 1839 года – сын Николай, будущий исследователь Азии; потом переселились в усадьбу Отрадное, принадлежавшую Елене Алексеевне. Здесь провел свое детство наш знаменитый путешественник – в среде, не особенно благоприятствовавшей духовному развитию.

Родители его стояли вдалеке от умственного движения своей эпохи: это было довольно заурядное помещичье семейство старого закала – скромное, честное, благочестивое, с весьма ограниченным кругом интересов. Об отце мы знаем немного: он был “человеком практичным и решительным”. Дети его не помнили: он умер в 1846 году, когда старшему сыну не исполнилось еще восьми лет. Мать – женщина характера твердого и крутого – вела дом и хозяйство по старинке. Состояние ее – около тысячи десятин земли и 105 душ крестьян – давало возможность вести сытую, но скромную жизнь. По смерти мужа она осталась полновластной хозяйкой. Вторым лицом после барыни была нянька Макарьевна, она же ключница и экономка – тип, не раз изображавшийся

в нашей литературе: преданная до самозабвения господам, сварливая и злая для своей братии – крепостных. Пуще всего допекала она дворовых девушек, строго наблюдая за их поведением (сама она осталась незамужней) и донося барыне в случае “греха”. Виновную выдавали за первого попавшегося мужика – по уставу старопомещичьей морали.

Она смотрела за паничами, баловала их, подкармливала сладостями и яблоками, рассказывала сказки и так далее. “Из всех сказок, – говорит Пржевальский, – особенно нравилась мне, мальчику непокорному и шаловливому, “Иван, великий охотник”; бывало, как только закапризничая, нянька и говорит: “Хочешь, я расскажу тебе об Иване, великом охотнике?” – и я тотчас стихаю”.

Пржевальский любил ее и со свойственным ему постоянством в привязанностях сохранил эту любовь в течение всей жизни. Он не замечал ее злобного отношения к окружающим, но высоко ценил ее нелицемерную преданность господам, какой не встретишь “в нынешнее огульно развратное время”, как он выражался.

“Рос я в деревне дикарем, – рассказывает он, – воспитание было самое спартанское, я мог выходить из дома во всякую погоду”. Дети мокли под дождем, бегали по снегу, гуляли одни в лесу, где водились и медведи, лазили по деревьям – словом, пользовались большою свободой. Но и потачки им не давалось: мать относилась к ним очень строго, розги играли выдающуюся роль в ее педагогике, и будущему путе-

шественнику досталось их немало: он уродился порядочным сорванцом, и за свои проказы получал неукоснительное воздаяние по предписаниям Домостроя. Это, впрочем, не портило семейных отношений: напротив, Пржевальский нежно любил свою мать и всегда вспоминал о ней с благодарностью. Она да нянька Макарьевна – едва ли не единственные женщины, к которым он, заклятый женоненавистник, относился с искренним уважением.

Воспитание и окружающая среда имеют большее или меньшее значение для человека в зависимости от его врожденных свойств. Одни поддаются внешним воздействиям легче, другие труднее: Пржевальский принадлежал к числу последних. Натура стойкая, неподатливая, упорная – он с юных лет обнаруживал замечательную самостоятельность и всегда был “сам по себе”. Но и самые неподатливые люди не могут вполне освободиться от внешних влияний. “Спартанское воспитание” не прошло для него бесследно: некоторая грубоватость характера, неприятно поражавшая многих, кто сталкивался с ним впоследствии, развилась под влиянием грубой среды.

На пятом году засадили его за ученье – в день пророка Наума, 1 декабря, потому что “пророк Наум наставляет на ум”. Учителем был дядя Павел Алексеевич, брат Елены Алексеевны, промотавший собственное имение и приютившийся у сестры. Человек беспечный и страстный охотник, он представлял легкомысленный элемент в их суровой, ветхозавет-

ной семье, но имел благотворное влияние на своих питомцев (Николая Михайловича и его брата Владимира), обучая их не только грамоте и французскому языку, но также стрельбе и охоте. “Сначала стрелял я из игрушечного ружья желудями,— рассказывает Пржевальский.— Потом из лука, а лет в двенадцать получил настоящее ружье. Руководителем в охоте был мой дядя, Павел Алексеевич Каретников, который, помимо охоты, имел другую страсть – запивал время от времени, и тогда на охоту не ходил”. Под его влиянием развивалась в мальчишке рано пробудившаяся любовь к природе, превратившаяся наконец в истинную страсть и создавшая из него путешественника-натуралиста .

Года через два стали приглашать учителей-семинаристов, которые, впрочем, плохо соответствовали своему назначению и часто менялись. Наконец попался сносный ментор, подготовивший мальчишек в училище.

Мать хотела отдать их в кадетский корпус, но это не удалось, и она отправила их в Смоленск, где они были приняты во второй класс гимназии.

В Смоленске вели они очень скромную жизнь, помещаясь на квартире, стоившей два рубля в месяц, под присмотром крепостного дядьки Игната, который водил их в гимназию и сопровождал на прогулках.

Николай Пржевальский был хорошим товарищем, но близких друзей не имел. Сверстники невольно подчинялись его влиянию: он был коноводом своего класса. Он всегда за-

ступался за новичков – черта, свидетельствующая не только о великодушии, но и о независимом характере: в то время травля новичков считалась как бы священной обязанностью, – надо же “отшлифовать” парня, рассуждали товарищи... Но Пржевальский, как мы сказали, был сам по себе.

Ученье давалось ему легко: он обладал изумительной памятью – качество очень важное при тогдашней системе преподавания. Нелюбимым предметом его была математика, но и тут выручала память: “ему всегда ясно представлялась и страница книги, где был ответ на заданные вопросы, и каким шрифтом она напечатана, и какие буквы на геометрическом чертеже, и сами формулы со всеми их буквами и знаками”.

Живое воображение и феноменальная память определили весь склад его ума. Он, как сам выражался, мыслил образами. Суждения его о тех или других явлениях складывались непосредственно, интуитивно; он скорее смотрел и видел, чем думал и заключал. Ясный и здравый ум помогал ему быстро ориентироваться и схватывать сущность явления; книги и письма его полны метких замечаний, блестящих характеристик; но, полагаясь на первое впечатление, он нередко впадал в поверхностные суждения, образчики которых увидим ниже.

Как противовес слишком одностороннему развитию памяти и воображения, было бы полезно развитие склонности к отвлеченному мышлению, но гимназия не могла оказать влияния в этом отношении.

Каникулы, тянувшиеся очень долго, с мая до октября и даже ноября, мальчики проводили дома, в Отрадном. Они помещались с дядей во флигеле, куда приходили только на ночь, проводя весь день на охоте и рыбной ловле. Это была бесспорно полезнейшая часть в воспитании будущего путешественника. Под влиянием жизни в лесу, на воздухе закалялось и крепло здоровье; развивались энергия, неутомимость, выносливость, изоощрялась наблюдательность, росла и укреплялась любовь к природе, придавшая всей его жизни такую своеобразную окраску.

Зато книжная сторона его воспитания сильно хромала. Литературу в доме его родителей заменяли лубочные издания, покупаемые у коробейников. В числе прочей дребедени попалась ему книжка “Воин без страха”, сыгравшая немало важную роль в его жизни. “Написанная прекрасным языком” и рисовавшая воинские добродетели самыми яркими красками, она произвела на него глубокое впечатление. Рассказы о севастопольских подвигах тоже кружили ему голову, и в конце концов он решил поступить на военную службу.

Гимназическое воспитание кончилось в 1855 году, когда Пржевальскому исполнилось всего шестнадцать лет.

Лето провел он в деревне, занимаясь охотой и рыбной ловлей, а осенью должен был отправиться в Москву и поступить в полк.

В те времена это было целое путешествие, к которому готовились заблаговременно: ладили экипажи, закупали необ-

ходимые вещи и так далее.

Как ни мечтал Пржевальский о военных подвигах, но расставаться с родительским домом было ему тяжело. В последние дни перед отъездом он сильно тосковал.

“Наконец наступила роковая минута. Меня позвали к матери; я вошел в залу. У большого образа теплилась лампада, а на коленях перед ним молилась моя мать. В углу стояла няня, несколько дворовых, и все плакали. “Станьте здесь и молитесь”, – обратилась ко мне и брату мать. Мы молча исполнили ее приказание. Глубокая тишина водворилась в комнате, изредка прерываемая тяжкими вздохами. Наконец мать встала и взяла образ; я подошел к ней. “Да сохранит тебя Господь Бог во всей твоей жизни”, – сказала она и начала благословлять. Этой минуты не вынесла моя переполненная душа. Долго сдерживаемые слезы разом брызнули из глаз, и я заплакал как ребенок.

“Прощай, мой голубчик”, – сказала, поцеловав меня, старая няня. – “Прощайте, барин, прощайте! Дай Бог вам счастья!” – слышалось со всех сторон. Да, это была минута тяжкого испытания; я не забуду ее никогда” (Пржевальский. Воспоминания охотника).

По приезде в Москву Пржевальский поступил унтер-офицером в Рязанский пехотный полк.

Вскоре после этого он был переведен прапорщиком в Полоцкий пехотный полк, стоявший в городе Белом Смоленской губернии. Он скоро разочаровался в военной жизни.

Окружающая среда тяготила его: недовольство, которое она возбуждала в нем, усиливало его любовь к природе, к одинокой и привольной жизни среди лесов. Жажда дела разумного и плодотворного не оставляла его, – но где найти это дело? Куда приложить свои силы? Полковая жизнь не давала ответа на вопросы – и Пржевальский снова обращался к природе, уходил в лес, проводил все свободное время на охоте, заинтересовался собиранием растений и начинал мечтать о путешествиях. Так обстановка вырабатывала из него будущего вечного странника.

С другой стороны, грубость и низменность окружающего общества не могли не развивать в нем известного презрения к людям. Он приучался к мысли, что это – грубое и дикое стадо, для которого необходимы кулак и палка.

“Я невольно задавал себе вопрос: где же нравственное совершенство человека, где бескорыстие и благородство его поступков, где те высокие идеалы, перед которыми я привык благоговеть с детства? И не мог дать себе удовлетворительного ответа на эти вопросы, и каждый месяц, можно сказать, каждый день дальнейшей жизни убеждал меня в противном, а пять лет, проведенные на службе, совершенно переменили прежние мои взгляды на жизнь и человека” (*Воспоминания охотника*).

Ему приходилось так горько, что по временам он уходил в лес и плакал.

Поддержкой в этом тяжелом положении являлись, кроме

любви к природе, переписка с матерью и случайные побывки в родном доме. Матери он писал очень часто, сообщая ей о всех мелочах своей военной жизни. То, что было хорошего в его спартанском воспитании – нежная любовь матери, сознание долга, твердость в исполнении обязанностей, которые она старалась привить детям, – оказали здесь благотворное влияние.

Материальное положение Пржевальского было незавидным – особенно в первое время службы. Собственных денег имелось мало, а содержали юнкеров плохо.

Но материальные невзгоды еще не так угнетали его, как нравственная неудовлетворенность. Долго он терпел ее, утешаясь охотой и чтением – преимущественно исторических книг и путешествий, – но наконец решился выйти из своего безотрадного положения.

“Прослужив пять лет в армии, протаскавшись в караулы, по всевозможным гауптвахтам, на стрельбу со взводом, я наконец ясно осознал необходимость изменить подобный образ жизни и избрать более обширное поприще деятельности, где бы можно было тратить труд и время для разумной цели. Однако эти пять лет не пропали для меня даром. Не говоря уже о том, что они изменили мой возраст с 17 на 22 года и что в продолжение этого периода в моих понятиях и взглядах на жизнь произошла огромная перемена, – я хорошо понял и изучил то общество, в котором находился”.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.